

Реквием для себя



Выше. Юный Моцарт играет на клавинодах во дворце принцессы де Конти в Париже.

Ниже. В доме Хагенауэра (в центре) в городе Зальцбурге родился великий композитор.

Имя этого человека стало символом музыки. Вся его жизнь, каждое ее мгновение было наполнено ею. Вольфганг Амадей Моцарт выделяется среди величайших композиторов в истории не только мощью дарования, проявившегося во всех жанрах музыки, но и необычностью своей судьбы, породившей множество легенд и литературных шедевров. «Его жизненный путь был в равной мере и краток, и блистателен. Он умер всего тридцати шести лет от роду, но за эти недолгие годы он создал себе имя, которое не исчезнет до тех пор, пока на свете существуют чувствительные души», — утверждал французский писатель Стендаль, фрагменты сочинения которого «Жизнь Моцарта» мы предлагаем вниманию наших читателей.

Маленькому Моцарту было около трех лет, когда отец стал обучать игре на клавишине его сестру, которой тогда исполнилось семь. Моцарт сразу же проявил свои поразительные музыкальные задатки. Большую радость ему доставляло подыскивать на пианино терции, и ничто не могло сравниться с его ликованием, когда он находил это гармоническое созвучие. Я остановлюсь на некоторых мелких подробностях, которые, как мне кажется, будут интересны для читателя.

Когда Вольфгангу исполнилось четыре года, отец начал давать ему, почти что в шутку, разучивать менуэты и другие музыкальные пьесы; такие занятия бывали одинаково приятны как учителю, так и ученику. Чтобы разучить менуэт, Моцарту требовалось полчаса и какой-нибудь час для более значительной пьесы. После этого он сразу же играл их необычайно чисто и точно соблюдая такт. Меньше чем за год мальчик сделал такие успехи, что в пять лет он сочинял уже большие музыкальные пьесы и играл их отцу, а тот, желая поощрить пробуждающийся талант ребенка, снисходительно записывал их.

Обладая с раннего детства подлинно артистическим самолюбием, Моцарт ничуть не гордился теми похвалами, которые расточали ему знатные лица. Когда ему случалось иметь дело с людьми, ничего не понимающими в музыке, он исполнял лишь какие-нибудь небольшие безделушки. Наоборот, в присутствии знатоков он играл с таким увлечением и таким вниманием, на какое только был способен, и отцу нередко приходилось прибегать к уловкам и выдавать за знатоков музыки важных вельмож, перед которыми Вольфганг должен был выступать.

К девятнадцати годам Моцарт имел право считать, что он достиг предела в своем искусстве, ибо все решительно от Лондона до Неаполя только об этом ему и твердили. Он мог выбирать любую из европейских столиц: всюду он имел возможность создать себе состояние и общественное положение. Из опыта ему уже было известно, что он может рассчитывать всюду на самый восторженный прием.

Моцарт уехал в Вену, куда композитора призвал его повелитель архиепископ Зальцбургский. В ту пору композитору было двадцать четыре года. Жизнь в Вене — а еще больше, пожалуй, красота венки — привлекла его. Во всяком случае, он обосновался в этом городе, и ничто уже больше не смогло заставить его расстаться с ним. Когда чуткой души Моцарта коснулись страсти, он, владевший уже с таким совершенством техникой музыкального искусства, сделался самым любимым композитором своего века и явил собою первый пример прославленного ребенка, ставшего великим человеком.

Как исполнитель Моцарт был одним из первых пианистов Европы. Он играл необычайно бегло; особенно поражала беглость пальцев его левой руки. Уже в 1785 году прославленный Иозеф Гайдн сказал отцу Моцарта, который тогда находился в Вене: «Заявляю вам открыто, как перед богом, что считаю вашего сына величайшим композитором из всех тех, о ком мне когда-либо приходилось слышать». Вот что представлял собою Моцарт как музыкант. Тот, кто знает людей, не удивится, что человек, бывший по своему таланту предметом всеобщего восхищения, отнюдь не являлся чем-то незаурядным во всех случаях жизни. Моцарт не отличался ни привлекательными чертами лица, ни стройной фигурой, хотя его отец и мать славились своей красотой.

С годами Моцарт не достиг нормального роста; всю свою жизнь он отличался слабым здоровьем, был худ и бледен; и хотя овал его лица был весьма необычным, физиономия его не поражала ничем, кроме своей крайней подвижности. Выражение его лица менялось ежеминутно, но выдавало лишь то страдание или то наслаждение, которое он испытывал в данный момент. За ним замечалась известная мания, которая обычно служит признаком умственной отсталости: все его тело постоянно находилось в движении; он вечно играл руками или стучал ногою об пол. Впрочем, в привычках его не было ничего странного, кроме пылкого увлечения игрой на бильярде. Бильярд был у него в доме, и ему нередко случалось играть на нем одному, когда не находилось партнера. Руки Моцарта были до того приспособлены к игре на клавишине, что во всем остальном он был почти неловок. За столом он никогда не разрезал себе пищу сам, а если иногда и принимался за это, то с большим трудом и довольно неумело. Обычно он просил жену оказать ему эту услугу. Тот же человек, художественный талант которого достиг уже с самого раннего возраста высших степеней развития, всегда оставался ребенком во всех других отношениях. Он так и не научился управлять собой. Порядок в домашних делах, бережливое отношение к деньгам, известная умеренность и разумный подход ко всякого рода удовольствиям — все эти добродетели были созданы не для него. Он постоянно увлекался тем, что доставляло ему наслаждение в данную минуту. Так как ум его всецело занимали бесконечные творческие замыслы, то он был

С этого посмертного портрета Моцарта, выполненного Барбарой Крафт в 1819 году, было сделано множество копий другими художниками.





«Леопольд Моцарт с сыном Вольфгангом и дочерью Марией-Анной». С картины Иоганна Непомука делла Кроче. 1781 год.

совершенно не в состоянии сосредоточиться на том, что мы обычно называем серьезными вопросами, и в течение всей жизни ему нужен был опекун, который бы заботился о его житейских делах. Но тот же человек, вечно рассеянный, привыкший лишь играть и развлекаться, становился, казалось, существом высшего порядка, как только садился за фортепьяно. Душа его улетала ввысь, и все его внимание отдавалось тому единственному, для чего он был рожден, — гармонии звуков. Самый большой по составу оркестр не мешал ему замечать во время исполнения малейший фальшивый звук, и он тотчас же указывал с поразительной точностью, какой инструмент ошибся и какую ноту тот должен был взять.

Торговцы нотами, директора театров и другие состоятельные люди постоянно злоупотребляли его широко известным бескорытием. Именно поэтому значительная часть его фортепианных пьес не принесла ему никакого дохода. Он писал их в угоду людям, с которыми ему приходилось общаться и которым хотелось получить лично для себя ту или иную пьесу, вышедшую из-под его пера; в таких случаях Моцарту нужно было считаться с уровнем музыкальной подготовки, полученной данными лицами. Этим объясняется, почему среди его пьес для клавирина много таких, которые, на наш взгляд, его недостойны.

Точно так же и в других случаях Моцарт наталкивался лишь на неблагодарность со стороны людей, которым он оказывал услуги; но ничто не могло излечить его от привычки оказывать дружескую помощь тем, кто попал в беду.

Здоровье жены его, которую он всю жизнь страстно любил, было очень слабым; когда она однажды надолго слегла, он выбежал навстречу тем, кто приходил ее навестить, и подносил палец к губам в знак того, чтобы они не шумели.

Констанция Вебер была для Моцарта прекрасной спутницей жизни и нередко давала ему полезные советы. У него было от нее двое детей, которых он нежно любил. Моцарт получал немало денег, но беспорядок в домашних делах и необузданная страсть к удовольствиям привели к тому, что он оставил семье только громкое имя и расположение венской публики. После смерти великого композитора жители Вены старались выразить его детям признательность за то наслаждение, которое он всем неоднократно доставлял.

В последние годы жизни Моцарта здоровье его, которое всегда было хрупким, стало быстро слабеть. Как и все люди, наделенные богатым воображением,

он со страхом ожидал всяческих несчастий в будущем, и мысль о том, что ему остается жить недолго, постоянно терзала его. Тогда он принимался за работу так рьяно и с таким напряжением внимания, что забывал подчас обо всем, кроме своего искусства. Нередко в минуты такого творческого подъема силы его оставляли, и его приходилось относить на постель. Всем было ясно, что такая бешеная работа подрывает его здоровье.

Кстати, такая крайняя усидчивость сопутствует подчас таланту, но отнюдь не является его доказательством. К чему прилежание, раз у человека нет таланта? В восемнадцатом столетии Моцарт, пожалуй, самый разительный пример сочетания этих качеств.

Когда ему было уже не под силу ходить в театр, он клал перед собой часы и, казалось, мысленно следил за музыкой. «Вот кончился первый акт, — говорил он, — теперь поют такую-то арию» и т. д.; но потом ему снова приходило на ум, что вскоре придется расстаться со всем этим.



Довольно необычный случай ускорил неминуемую развязку — следствие этого мрачного настроения. Позвольте мне рассказать об этом эпизоде подробно, ибо именно ему мы обязаны возникновением знаменитого «Реквиема», который по праву считается одним из шедевров Моцарта. Однажды, когда композитор был погружен в глубокую задумчивость, он услышал, что у его подъезда остановилась карета. Ему докладывают, что какой-то незнакомец желает побеседовать с ним; посетителя

Бракосочетание Вольфганга Амадея Моцарта и Констанции Вебер в венском соборе Святого Стефана. Фрагмент раскрашенной гравюры.



Памятник Моцарту на кладбище Святого Марка в Вене. Семья великого композитора после его смерти оказалась неплатежеспособной, и тело, хотя и в отдельном гробу, похоронили в общей могиле. Точное ее место впоследствии никто не смог указать.

вводят. Моцарт видит перед собой уже немолодого человека, прилично одетого, с необычайно благородными манерами, в облике которого есть даже нечто импонирующее. «Я приехал к вам, сударь, по поручению очень важной особы». — «Кто же этот человек?» — перебивает Моцарт. «Он не хочет называть свое имя». — «Пусть так. Что же ему угодно?» — «Он недавно потерял очень близкого ему человека, память о котором останется для него навсегда дорогой; он желает, чтобы ежегодно в день смерти совершался торжественный заупокойный обряд, и просит вас написать „Реквием“ для траурной мессы». Моцарта крайне поражают и эти слова, и мрачный тон, каким они произнесены, и та таинственность, которая, казалось, окутывала это происшествие. Незнакомец продолжает: «Вложите в это произведение весь ваш талант; вы имеете дело со знатоком музыки». — «Тем лучше». — «Сколько времени вам понадобится?» — «Четыре недели». — «Итак, я приду через четыре недели. Какой гонорар вы назначаете?» — «Сто дукатов». Незнакомец выкладывает их на стол и исчезает.

На две-три минуты Моцартом овладевает глубокое раздумье. Затем он просит перо, чернила, бумагу и, невзирая на уговоры жены, садится за работу. Этот творческий пыл длился несколько суток; композитор писал день и ночь, с увлечением, которое возрастало с каждым часом; но тело, и без того уже слабое, не могло вынести такого напряжения: однажды утром Моцарт, наконец, лишился чувств и вынужден был прервать работу. Когда спустя два-три дня жена попыталась отвлечь его от овладевших им мрачных мыслей, он резко ответил ей: «Ясно: я пишу этот „Реквием“ для самого себя. Он пригодится, когда меня будут отпевать». Переубедить его было невозможно.

По мере того, как он работал, он чувствовал, что силы его тают день ото дня. Назначенные им четыре недели истекли, и однажды утром к нему снова вошел все тот же незнакомец. «Я был не в состоянии, — сказал Моцарт, — сдержать свое слово». — «Не стесняйтесь, — ответил тот. — Сколько времени вам еще нужно?» — «Четыре недели. Работа меня увлекла больше, чем я предполагал, и мне пришлось сильно расширить первоначально намеченный мною план». — «В таком случае подождет увеличь гонорар: вот еще пятьдесят дукатов». — «Сударь, — спросил Моцарт со все возрастающим удивлением, —



Император Иосиф II, при дворе которого Моцарт получил должность придворного композитора и капельмейстера, но жалованье оказалось весьма скромным. Миниатюра работы Августа Христиана Ритта.

да кто же вы, наконец?» — «Это не так уж важно, я приду снова через четыре недели». Моцарт тотчас же зовет одного из слуг и велит ему проследить за этим странным человеком, чтобы узнать, кто он такой; но незадачливый слуга докладывает, что не мог напасть на его след. Несчастный Моцарт внушил себе, что незнакомец — существо необыкновенное; что он, конечно, общается с потусторонним миром и был послан, чтобы возвестить ему близкую кончину. С еще большим рвением композитор отдался работе над «Реквиемом», считая его самым долговечным созданием своего творческого гения. В течение дальнейшей работы он не раз впадал в обморочное состояние, внушавшее тревогу за его жизнь. Не прошло и четырех недель, как произведение было закончено. Незнакомец явился точно в назначенный срок, но Моцарта уже не было в живых.

Перевод А. А. Энгельке



Перед смертью Моцарт попросил принести недописанную партитуру «Реквиема», чтобы присутствующие музыканты ее исполнили. Той же ночью композитор скончался, а «Реквием» был закончен его учеником Францем Ксавером Зюсмайром. Последствием выяснилось, что анонимным заказчиком этого произведения был граф Вальзегг-Штуппах.